



## Прот. В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

### В. В. Розанов

9. Характеристика идейного содержания творчества Розанова до крайности затрудняется тем, что он был типичным *журналистом*. Хотя у него было достаточно цельное мировоззрение, хотя в его многообразном творчестве есть определенное единство, но самая манера письма Розанова очень затрудняет раскрытие этого внутреннего единства. Розанов оставляет впечатление прихотливого импрессиониста, нарочито не желающего придать своим высказываниям логическую стройность, но на самом деле он был очень цельным человеком и мыслителем. Тонкость и глубина его наблюдений, а в то же время «доверие» ко всякой мысли, даже случайно забредшей ему в голову, создают внешнюю яркость, но и пестроту его писаний. Но редко кому из русских писателей была присуща в такой степени *магия слова*, как Розанову. Он покоряет своего читателя прежде всего этой непосредственностью, порой «обнаженностью» своих мыслей, которые не прячутся за слова, не ищут в словах прикрытия их сути.

Розанов едва ли не самый замечательный *писатель* среди русских мыслителей, но он и подлинный мыслитель, упорно и настойчиво пролагающий свой путь, свою тропинку среди запутанности мысли и жизни современности. По основному содержанию неустанной работы мысли, Розанов — один из наиболее даровитых и сильных русских религиозных философов, — смелых, разносторонне образованных и до последних краев искренних с самим собой. Оттого-то он и имел такое огромное (хотя часто и подпольное) влияние на русскую философскую мысль XX-го века. Как и Леонтьев, Розанов занят вопросом о Боге и мире в их отношении, в их связи. Было бы неверно видеть в Розанове человека, забывающего Бога ради мира; его упования и искания он так глубоко держит в себе, что его религиозное сознание деформируется, меняется для того, чтобы не дать погибнуть ниче-

му ценному в мире. В споре мира с Богом Розанов (как и Леонтьев) остается в плоскости религиозной, — но если Леонтьев ради Божией правды, как он ее понимал, готов отвернуться от мира, «подморозить» его, то Розанов, наоборот, ради правды мира отвергает христианство за его «неспособность», как он думает, принять в себя эту правду мира. Леонтьев и Розанов — антиподы в этом пункте, но и страшно близки в нем друг к другу. Любопытно, что того и другого нередко характеризовали как «русского Ницше», — и действительно, у обоих есть черты, сближающие их (хотя и в разных моментах) с Ницше<sup>1</sup>.

Биография Розанова не сложна. *Василий Васильевич Розанов* родился \* в 1856-ом году в Ветлуге, в бедной провинциальной семье. Детство его происходило в тяжелой обстановке, ребенком Розанов развивался вне семейной обстановки. По окончании гимназии он поступил в Московский университет на филологический факультет и, по окончании его, получил место преподавателя истории<sup>2</sup> в глухом провинциальном городе. Здесь Розанов задумал философский труд, над которым трудился пять лет. Большая книга под названием «О понимании» (737 страниц) появилась в 1886-ом году, но осталась совершенно неотмеченной в русской печати<sup>3</sup>. В то же время Розанов вступил и на путь журнальной работы, который позднее стал для него основным. Статья «Сумерки просвещения», в которой Розанов едко и сурово характеризовал учебное дело, вызвала репрессии против Розанова, которому было очень трудно совмещать службу по учебному ведомству и свободное писательство. Наконец, благодаря хлопотам Н. Н. Страхова<sup>4</sup> (горячим поклонником которого был Розанов)\*\*, с 1893-го года Розанов получил место в Петербурге (в Госуд<арственном> Контроле). Здесь Розанов попал в среду «эпигонов славянофильства», точнее, в среду журналистов и писателей, боровшихся с радикализмом, царившим тогда в русском обществе. К 1903–1904 гг. относится написание Розановым большой книги о Достоевском («Легенда о Великом Инквизиторе»)<sup>5</sup>, — книги, обратившей общее внимание на него. Ряд других статей доставил Розанову громадную славу, — а в связи с этим стало улучшаться и его материальное положение (Розанов стал писать в газете «Новое время», что дало ему достаточные

\* Биографии Розанова до сих пор не написано, кроме небольшой книги Э. Ф. Голлербаха «В. В. Розанов. Личность и творчество», Петербург, 1918, 50 с.

\*\* Для биографии Розанова очень важны письма Н. Н. Страхова к Розанову и примечания Розанова к этим письмам (в книге «Литературные изгнанники»).

средства). Постепенно стали появляться один за другим сборники его статей: «Религия и культура», «Природа и история», позже — «Семейный вопрос в России» (2 тома), этюд «Место христианства в истории». Из дальнейших сочинений особенно надо отметить книгу «Метафизика христианства» («Темный лик христианства» с на шумевшей статьей «Об Иисусе Сладчайшем» и 2-ая часть «Люди лунного света»), «Около церковных стен» (2 тома), еще позже — «Уединенное» и «Опавшие листья» (в двух частях). В годы революции Розанов оказался в Сергиевском Посаде (где Троицко-Сергиевская Лавра), и здесь он издавал свой замечательный «Апокалипсис» \*.

Розанов имел громадное влияние на Д. С. Мережковского (в его религиозно-философских исканиях), отчасти — Н. А. Бердяева (в его антропологии), отчасти — на о. П. Флоренского (с которым он сблизился задолго до переезда в Сергиевский Посад, где жил Флоренский, как профессор Московской Духовной Академии). Но, кроме друзей, Розанов имел много литературных врагов, — отчасти благодаря особой его манере письма, приводившей многих в чрезвычайное возмущение, отчасти благодаря нередко проявлявшейся у него беспринципности \*\*.

В 1919-ом году в крайней нищете и в тяжелых бедствиях Розанов скончался в Сергиевском Посаде (у Троицко-Сергиевской Лавры).

**10.** Духовная эволюция Розанова была очень сложна. Начав со своеобразного рационализма (с отзвуками трансцендентализма), легшего в основу его первого философского труда «О понимании», Розанов довольно скоро стал отходить от него, хотя отдельные следы бывшего рационализма оставались у него до конца

\* Перепечатано в Париже в 1927 году в журнале «Версты» (№ 2). Полного собрания сочинений Розанова не имеется. Отметим работы о Розанове: Голлербах «Розанов. Личность и творчество»; Курдюмов «Розанов» (Париж, 1929); Волжский «Мистический пантеизм Розанова» (в книге «Из мира литературных исканий»). См. также роман Н. Н. Русова «Золотое счастье», где выведен Розанов; Чуковский «Книга о современных писателях»; Бердяев в ранних религиозно-философских статьях. См. мою книгу «Русские мыслители и Европа» (гл. VIII).

\*\* Образчик такой резкой полемики с Розановым представляет статья о нем Вл. Соловьева (т. VI). По поводу статьи Розанова о Л. Толстом, написанной в довольно «неудобном» тоне и вызвавшей острое возмущение Розановым в литературных и общественных кругах, П. Б. Струве предлагал «исключить Розанова из литературы»<sup>6</sup>. Из Религиозно-Философского Общества в Петербурге Розанова исключили тоже за его острые высказывания по еврейскому вопросу...

дней. Но с самого начала (то есть уже в книге «О понимании») Розанов проявлял себя как *религиозный мыслитель*. Таким он оставался и всю жизнь, и вся его духовная эволюция совершалась, так сказать, внутри его религиозного сознания. В первой фазе Розанов всецело принадлежал православию, — в свете его оценивал темы культуры вообще, в частности проблему Запада. Наиболее ярким памятником этого периода является книга его, посвященная «Легенде о Великом Инквизиторе», а также его статьи в сборниках: «В мире неясного и нерешенного», «Религия и культура» и т. д. Однако уже и в это время у Розанова попадаются мысли, говорящие о сомнениях, которые вспыхивают в его душе. С одной стороны, Розанов резко противопоставляет христианский Запад Востоку: западное христианство ему представляется «далеким от мира», «антимиром» \*. В свете православия христианство представляется Розанову как «полная веселость, удивительная легкость духа — никакого уныния, ничего тяжелого» \*\*, — и несколько дальше тут же он пишет: «нельзя достаточно настаивать на том, что христианство есть радость — и только радость и всегда радость» \*\*\*. Но в эти же годы он пишет замечательную статью «Номинализм в христианстве», где он остро говорит о *всем* христианстве, что оно «превратилось в доктрину», — что «номинализм», риторика — не случайное явление в христианстве, что «это именно и есть христианство, как оно выразилось в истории» \*\*\*\*. Тут же читаем: «христианство прямо еще не начато, *его нет вовсе*, и мы поклоняемся ему, как легенде» \*\*\*\*\*. «Вся мука, вся задача на земле религии — *стать реальной, осуществиться*», — читаем здесь \*\*\*\*\*, — и в этих словах, в этой защите христианского *реализма* заключается как раз движущая сила в диалектике религиозных исканий Розанова. Мы уже всецело на пороге второго периода в его творчестве, — Розанов уже объят сомнениями относительно «исторического» христианства, которое он противопоставляет подлинному и истинному христианству. Правда, тут еще есть отзвуки бывшего противопоставления Запада Востоку, — вот что, например, читаем почти рядом с приведенной защитой христианского реализма: «глубин христианства *никто еще не постиг*, — и эта

\* Розанов, «Религия и культура» (Изд. 1901 г., с. 64).

\*\* Ibid., с. 65, 66.

\*\*\* Ibid., с. 243.

\*\*\*\* В сборнике «В мире неясного и нерешенного» (Изд. 1901 г., с. 47).

\*\*\*\*\* Ibid., с. 267.

\*\*\*\*\* Ibid., с. 103.

задача, даже не брезжившаяся Западу, может быть, есть оригинальная задача русского гения». Так или иначе, Розанов начинает скептически относиться к «историческому» христианству, — и вот какие новые богословские идеи приходят ему в голову. «Религии Голгофы» он впервые здесь противопоставляет «религию Вифлеема» \*, которая заключает в себе «христианство же, но выраженной столь жизненно-сладостно, что около Голгофы, аскетической его фазы, оно представляется как бы новой религией» \*\*.

Здесь мы уже совсем вступаем во второй период в творчестве Розанова, в котором Голгофа *противопоставляется* Вифлеему. Розанов становится критиком «исторического» христианства во имя «Вифлеема», и проблема семьи ставится в центре его богословских и философских размышлений. Он еще не отходит от Церкви, он все еще «около церковных стен» (как назвал он двухтомный сборник своих статей), но в «споре» христианства и культуры у него постепенно христианство тускнеет, теряет «жизненно-сладостную» силу и постепенно отходит в сторону, чтобы уступить место «религии Отца», — «Ветхому Завету». Любопытно отметить, что в первой статье I-го тома книги «Около церковных стен» (статья носит характерное название «Религия как свет и радость») Розанов еще пишет: «Тщательное рассмотрение убеждает, что среди всех философских и религиозных учений нет более светлого и жизнерадостного мировоззрения, чем христианское» \*\*\*. Но уже здесь идет речь о «великом недоразумении, которое в судьбах христианства образовалось около момента Голгофы», — ибо «из подражания Христу и именно в моменте Голгофы образовалось неутомимое искание страданий». Через это «весь акт искупления *прошел мимо человека* и рухнул в бездну, в пустоту, — *никого и ничего не спасая*» \*\*\*\*. В этих словах диалектически уже наличествует переход ко второму периоду, только объектом критики у Розанова является не само христианство, а его неверное понимание в Церкви. «Сущность Церкви и даже христианства определилась, — пишет он в другой статье \*\*\*\*\* — *как поклонение смерти*». «Ничто из бытия Христа, — читаем тут же, — не взято в такой великий и постоянный символ, как смерть. Уподобиться мощам, перестать вовсе жить, двигаться, дышать — есть общий и великий идеал Церкви».

\* Ibid., с. 57.

\*\* Ibid., с. 61.

\*\*\* «Около церковных стен» (1906 г.), т. I, с. 15.

\*\*\*\* Ibid., с. 18.

\*\*\*\*\* «Около церковных стен» (1906 г.), т. II, с. 446.

Но со всей силой критика Церкви перешла в *борьбу* с Церковью, когда размышления Розанова сосредоточились на проблеме семьи. Однажды Розанов написал \*: «Всю жизнь посвятить на разрушение того, что одно в мире люблю — была ли у кого печальнее судьба?» Это очень верно: Розанов действительно не мог оторваться от Церкви, да и умирать поехал «около церковных стен» (возле Троицкой Лавры), но внутренняя диалектика его мысли вела к острой и беспощадной борьбе с Церковью, а позже и с Христом. Чтобы понять эту внутреннюю диалектику в Розанове и оценить всю значительность его идей, необходимо углубиться в изучение того, что мыслил Розанов о человеке. В его антропологии ключ ко всей его идейной и духовной эволюции.

**11.** Мы говорим именно об *антропологии* Розанова в целом, а не только о построенной им «метафизике пола», которая хотя и является важнейшей частью его антропологии, но не выполняет ее всю.

Исходная интуиция Розанова в его исканиях и построениях в области антропологии есть вера в «естество» человека и нежная любовь к нему. Розанов вообще любил «естество», природу, — и это так сильно звучало всегда в нем, что его мировоззрение часто характеризовали как «мистический пантеизм» \*\*, — что, впрочем, неверно. «Природа — друг, но не съедобное», — с сарказмом говорит Розанов \*\*\*. — «Все в мире любят друг друга какой-то слепой, безотчетной, глупой и необоримой любовью... каждая вещь даже извне отражает в себе окружающее... и эта взаимная “зеркальность” вещей простирается даже на цивилизацию, и в ее штрихи входит что-то из ландшафта природы» \*\*\*\*. Ощущение жизни природы действительно исключительно у Розанова (*хотя вовсе не пантеистично*). В замечательной статье «Святое чудо бытия» есть строки, близкие к тому ощущению природы, которое особенно часто встречается действительно в пантеизме \*\*\*\*\*: «есть действительно некоторое *тайное основание* принять весь мир, универс за мистико-материнскую утробу, в которой рождается мы, родилось наше солнце и от него земля». О «тайном основании» думаю, что дело идет о *софиологии*

\* «Уединенное» (Петерб<ург>, 1912), с. 213.

\*\* См. особенно статью Волжского «Мистический пантеизм» (это лучшее, что было написано о Розанове) в сборнике «Из мира литературных исканий».

\*\*\* «Около церковных стен», т. I, с. 12.

\*\*\*\* Ibid., с. 77–79.

\*\*\*\*\* Сборник статей «Семейный вопрос в России» (1903), т. II, с. 53.

ческой концепции, о которой вообще, насколько я знаю, Розанов нигде, кроме приведенного места, не высказывался. Но дело сейчас не в этом, а в очень частом у Розанова чувстве *жизни в мире и связи человека с природой*. «Наша земля, — пишет он \*, — из каждой хижинки, при каждом новом “я”, рождающемся в мир, испускает маленький лучик, — и вся земля сияет коротким, не достигающим неба, но своим собственным зато сиянием. Земля, поскольку она рождает, плывет в тверди сияющим телом, — и именно религиозно сияющим». «Мир создан не только рационально, — пишет в другом месте Розанов \*\*, — но и священо, — столько же по Аристотелю, сколько и по Библии... Весь мир согревается и связывается любовью».

Из всего этого «чувства природы», очень глубокого у Розанова, питались разные его размышления. Этот принципиальный *биоцентризм* (сказавшийся уже в первой книге Розанова «О понимании») совсем не вел его к «мистическому пантеизму», как часто полагают, а к другому выводу, который он сам однажды формулировал в таких словах \*\*\*: «Всякая метафизика есть углубление познания *природы*». Это есть космоцентризм. Но так как у Розанова всегда было очень острое чувство Творца, была всегда существенна идея тварности мира, то космоцентризм не переходил у него в пантеизм.

Вся антропология Розанова тоже ориентирована *космоцентрически*. Я не разделяю мнения Волжского \*\*\*\*, что «любовь к жизни у Розанова *вне личности* человека и Бога». Наоборот, у него исключительно велико чувство личности (в человеке), но это чувство у него окрашено космоцентрически. Вся метафизика человека сосредоточена для Розанова в тайне *пола*, — но это абсолютно далеко от пансексуализма Фрейда, ибо все в тайне пола *очеловечено* у Розанова. Мы еще будем иметь случай коснуться замечательной его формулы: «то, что человек потерял в мироздании, то он находит в истории» \*\*\*\*\*. Для нас сейчас существенно в этой формуле указание на то, что человек «теряет» в мироздании, — но он *не теряется в нем*, — он «включен» в порядок природы, и точка этой включенности и есть пол как тайна рождения новой жизни. Именно эта «творящая» функция пола нужна и дорога Розанову; ведь пол, по Розанову, *«и есть*

\* «Семейный вопрос...», т. I, с. 54.

\*\* «Литературные изгнанники», с. 248 (примеч. к письму Страхова к Розанову).

\*\*\* «Рус<ский> вестник», 1892 (VIII), с. 196.

\*\*\*\* Волжский, «Из мира литературных исканий», с. 363.

\*\*\*\*\* Сборник «Религия и культура», с. 21.

*наша душа»* \*. Оттого Розанов даже утверждает, что человек вообще есть «трансформация пола» \*\*, — но это совсем не есть какой-то антропологический «материализм», а как раз наоборот. «Нет крупинки в нас, ногтя, волоса, капли крови, — пишет тут же Розанов, — которые не имели бы в себе духовного начала» \*\*\*. Появление личности есть огромное событие в жизни космоса, ибо «во всяком “я” мы находим обособление, противоборство всему, что не есть “я”» \*\*\*\*.

Понимая пол как ту сферу в человеке, где он таинственно связан со всей природой, то есть понимая его метафизически, Розанов считает все «остальное» в человеке как выражение и развитие тайны пола. «Пол выходит из границ естества, он — внеестественен и сверхъестественен» \*\*\*\*\*. Если вообще «лишь там, где есть пол, возникает лицо», то в своей глубине пол есть «второе, темное, ноуменальное лицо в человеке» \*\*\*\*\*: «здесь пропасть, уходящая в антипод бытия, здесь образ того света» \*\*\*\*\*. «Пол в человеке подобен зачарованному лесу, то есть лесу, обставленному чарами; человек бежит от него в ужасе, зачарованный лес остается тайной» \*\*\*\*\*.

В замечательной статье «Семя и жизнь» (в сборнике «Религия и культура») рассыпано много характерных и существенных размышлений Розанова на те же темы. «Пол не функция и не орган», — говорит здесь Розанов против поверхностного эмпиризма в учении о поле; отношение же к полу как органу «*есть разрушение человека*» \*\*\*\*\*. В этих глубоких словах ясно выступает вся *человечность* этой метафизики; никто не чувствовал так глубоко «священное» в человеке, как Розанов, именно потому, что он чувствовал священную тайну пола. Его книги напоены любовью к «младенцу» (особенно замечательно все, что он писал о «незаконнорожденных» детях), — и не случайно то, что последний источник «порчи» современной цивилизации Розанов видит в том разложении семьи, которое подтачивает эту цивилизацию.

---

\* «В мире неясного и нерешенного», с. 7.

\*\* «Люди лунного света» (1911), с. 71.

\*\*\* Ibid., с. 70.

\*\*\*\* Ibid., с. 28.

\*\*\*\*\* «В мире неясного и нерешенного», с. 110.

\*\*\*\*\* Ibid., с. 5.

\*\*\*\*\* Ibid., с. 110.

\*\*\*\*\* «Из восточных мотивов» (Тетради), с. 24.

\*\*\*\*\* «Религия и культура», с. 173.

Углубление в проблемы пола у Розанова входит, как в общую рамку, в систему персонализма, — в этом вся значительность его размышлений. Метафизика человека освещена у него из признания метафизической центральности сферы пола. «Пол не есть вовсе тело, — писал Розанов однажды \*, — тело клубится около него и из него»... В этой и иных близких формулах Розанов неизмеримо глубже всего того «тайновидения плоти», которое Мережковский восхвалял в Толстом: никто глубже Розанова не чувствует «тайны» пола, его связи с трансцендентной сферой («связь пола с Богом большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом» \*\*).

12. Вдумываясь в то, как складывается судьба семьи в развитии христианской истории, Розанов сначала был склонен, как мы видели, обвинять Церковь, вообще «историческое христианство» в одностороннем уклоне в сторону аскетического «гнушения» миром. Но постепенно его взгляд меняется, — он уже начинает переносить свои сомнения на самую *сущность* христианства. «Христианство давно перестало быть дробилом, дрожжами», оно «установилось» \*\*\*. Оттого «вокруг нас зрелище обледелой в сущности христианской цивилизации...», где все номинально» \*\*\*\*. Источник этого, по новому сознанию Розанова, в том, что «из текста Евангелия естественно вытекает только монастырь» \*\*\*\*\*. «У Церкви нет чувства детей», — в другом месте утверждает Розанов \*\*\*\*\*. Высшей точки эти сомнения его достигли в его нашумевшей статье об «Иисусе Сладчайшем» (в сборнике «Темный лик христианства»). Здесь Розанов утверждает, что «во Христе мир прогорк» \*\*\*\*\*. У Розанова начался период христорборчества, решительного поворота к Ветхому Завету (религии Отца). Теперь оказывается, что он «отроду не любил читать Евангелия, — а Ветхим Заветом не мог насытиться» \*\*\*\*\*, что «иночество составляет метафизику христианства» \*\*\*\*\*. Христианство он теперь называет «христотеизмом», в котором только

\* «В мире неясного и нерешенного», с. 123.

\*\* «Уединенное», с. 169.

\*\*\* «Около церк<овных> стен», т. I, с. 91.

\*\*\*\* «Религия и культура», с. 150.

\*\*\*\*\* Письмо к Голлербаху. См.: Голлербах, «Розанов (Письма его)», с. 44.

\*\*\*\*\* «Сем<ейный> вопрос», т. I, с. 35.

\*\*\*\*\* «Темный лик...», с. 255.

\*\*\*\*\* «Опавшие листья», Кор. I, с. 255.

\*\*\*\*\* «Люди лунного света», с. 194.

одна треть правды теизма» \*. Особенной силы и острой выразительности христорборчество Розанова достигает в его предсмертном произведении «Апокалипсис нашего времени». Это — очень жуткая вещь с очень острыми, страшными формулами. «Христос невыносимо отягчил человеческую жизнь», Христос — «тайственная Тень, наведшая отоцание на все злаки»; христианство «бессильно устроить жизнь человеческую» со своей «узенькой правдой Евангелия». Есть здесь и такие слова: «зло пришествия Христа...» \*\*.

Христианство — «истинно, но не мочно», — написал однажды Розанов \*\*\*, — и историческое «бессилие» Церкви, тот факт, что она не овладела историческим процессом, не смогла внести в него свой свет, чтобы во всем преобразить его, — все это для Розанова есть «грех» Церкви. И тут перед нами выступает никогда до конца не выявленная его историософская концепция. Мы уже приводили очень глубокую его мысль, что «все, что потерял человек в мироздании, он находит в истории». Однако это совсем не возвеличивает человека как делателя истории; царственное значение, утерянное человеком в космосе, но вновь обретенное в истории, совсем не создается человеком. «Человек не делает историю, — читаем в той же книге, откуда взята только что приведенная цитата, — он в ней живет, блуждает, без всякого ведения, для чего, к чему» \*\*\*\*. Это больше, чем агностицизм, — это уже историософский мистицизм, часто близкий к историософскому алогизму Герцена или имперсонализму в истории философии у Л. Толстого. В той же книге в одном месте Розанов говорит о «*неверных* волнах истории», движение которых разбивается о монастырь, — но в личном сознании человека власть истории гораздо больше, чем это нам кажется. «Быть обманываемым в истории есть постоянный удел человека на земле. Можно сказать, надежды внушаемы человеку для того, чтобы, манясь ими, он совершал некоторые дела, которые необходимы для приведения его в состояние, *ничего общего с этими надеждами не имеющего*, но очень гармоничное, ясно необходимое в общем строе всемирной истории» \*\*\*\*\*. Единственное «место», в котором человек может проявить *личное* творчество, есть

\* «Из восточных мотивов» (с. 15). Ср. «Сем<ейный> вопрос», т. I, с. 25.

\*\* «Апокалипсис нашего времени» (Версты. 1927, № 2), с. 303, 307, 316, 336, 345.

\*\*\* Ibid., с. 305.

\*\*\*\* «Религия и культура», с. 126.

\*\*\*\*\* Ibid., с. 126.

семья, рождение детей, — и Розанов, как мы уже видели, всячески стремится раскрыть священное значение семьи, рождение детей. Розанов постоянно утверждает мистическую глубину, присущую семье, ее сверхэмпирическую природу («семью нельзя рационально построить», «семья есть институт существенно иррациональный, мистический») \*.

13. Мы подходим к чисто философским предпосылкам, на которые опирается Розанов. Все его мировоззрение, слагавшееся у него по поводу «случайных» тем, с которыми его связывал долг журналиста, при исключительной «правдивости» (часто переходившей границы «приличия»), оставалось верным той изначальной интуиции, которая легла в основу еще первой его книги «О понимании». Насквозь пронизанная *рационализмом*, уверенностью в «рациональной предустановленности» бытия, она в то же время представляет очень своеобразную *мистическую интерпретацию рационализма*. Бытие разумно, и его разумность открывается в нашем разуме, — все познаваемое заключено в понимании, содержится в его формах, но еще закрыто. Эта «параллельность» бытия и нашего разума как-то, по собственному признанию Розанова \*\*, предстала ему как раз в видении и определила самый замысел его книги «О понимании». Как из семени развивается растение, так из глубин ума развивается все знание, — и этот образ «семени», легший в основу первой книги, навсегда остался основным для Розанова. В одной из статей \*\*\* он писал: «Всякое ощущение беспросветно, темно для человека, непроницаемо в своем смысле, пока оно не будет возведено к смыслу чего-то, уже ранее присутствовавшего в духе». «Мы должны, — пишет тут же Розанов в линиях трансцендентализма, — понимать явления внешней природы как только *повторения* процессов и состояний своего *первичного* сознания».

Но рационализм, чуть-чуть приближающийся к трансцендентализму, сейчас же истолковывается у Розанова в смысле трансцендентального *реализма*. «Реальность есть нечто высшее, нежели разумность и истина» \*\*\*\*. А реализм тут же истолковывается в линиях *теизма*, — чем прямо и категорически отвергается предположение о пантеизме Розанова. «Подобно тому, как мыс-

\* «Сем<ейный> вопрос», т. I, с. 75, 78.

\*\* Примеч. к письму Страхова в книге «Литературные изгнанники», с. 342–343.

\*\*\* Идея рационального естествознания, «Русский вестник», 1892 г., VIII, с. 196–197.

\*\*\*\* «Литературные очерки» (1899), с. 39.

лящему разуму есть соответствующий ему мыслимый мир, — так и нравственному чувству — отвечающий ему долг, а религиозному созерцанию — *созерцаемое им Божество* \*. Это не есть случайное выражение у Розанова, — он всю жизнь жил Богом \*\*. Но Розанов глубже других чувствовал *божественный свет в космосе*, непосредственное касание к трансцендентной сфере. Это, однако, не дает права говорить о пантеизме Розанова, — можно лишь сказать, что он стоял на пути к построению *софиологической* концепции, которая по своей интенции (не по фактическому ее выражению, — например, у Вл. Соловьева) свободна от пантеизма. Но тем ярче выступает перед нами *мистицизм* в мировоззрении Розанова с его постоянным ощущением того, как за прозрачной поверхностью «рационализма» начинается сфера трансцендентного.

14. *Космоцентризм* Розанова имел исключительное влияние на различных русских мыслителей, — не только близких, но и враждебных ему по духу. То положительное, что неразрывно связано в диалектике русской мысли с Розановым, есть не проблема пола и семьи (как ни важно и значительно все то, что в этой области выдвигал Розанов), а именно его космоцентризм. Не потому ли склонны считать его пантеистом? Розанов внес свою лепту в будущую, еще до конца не построенную русскими философами *софиологию*, которая должна философски осмыслить то, что в живом религиозном восприятии заключено в Православии с его космизмом.

Не менее важно и то, что дал Розанов в основной для диалектики русской философии теме о «секуляризме», о возможности построения системы культуры на основе Церкви. Розанов, как и Леонтьев, исходил все время от христианства, всегда был «около церковных стен», был, как и Леонтьев, сознательным противником секуляризованной Европы, но это не помешало ему трагически выразить нерешенность в Церкви самой темы секуляризма. На этом пути Розанов, *не уступая секуляризму*, пришел, однако, к такой острой критике Церкви, какую не мог даже развить секуляризм. Итог сложного, напряженного творчества Розанова совсем не идет на пользу секуляризму, он все же по существу является *положительным*. Совершенно невозможно отвергать это положительное влияние самых острых идей Розанова на обновление и возрождение русских религиозных ис-

---

\* Ibid., с. 42.

\*\* См. яркие строки в «Уединенном», с. 117.

каний, — и именно в направлении того, как религиозно осмыслить и освятить «стихийный» процесс культурного творчества. Проблема церковной культуры не может быть решена, обходя темы Розанова, обходя его космоцентризм. Даже больше: русский персонализм, часто слишком накреняющийся в сторону одного этицизма, должен вместить в себя темы Розанова, чтобы взойти до софиологической его постановки. На этом пути к будущей софиологии идейное наследство Розанова является особенно ценным.

